

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КАЗАХСТАНЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

УТЕГЕНОВ Ч.К.

Утегенов Чингиз Қуанышбекович - PhD, доцент Высшей школы естественно-гуманитарных наук, Баишев университет, г. Ақтөбе, Казахстан

E-mail: utegenov.chingiz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4320-3110>

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию системы конституционных гарантий прав и свобод человека в Республике Казахстан в условиях цифровизации государства и общества. Стремительное развитие цифровых технологий, внедрение систем электронного правительства, искусственного интеллекта и больших данных в государственное управление создают принципиально новые угрозы: массовое цифровое наблюдение, алгоритмическую дискриминацию, нарушения права на неприкосновенность частной жизни и цифровую идентичность. Конституционные гарантии рассматриваются как сложная, многоуровневая система правовых средств, требующая адаптации к условиям цифрового общества. В статье анализируется соотношение понятий «конституционные права», «гарантии прав» и «механизм защиты прав» применительно к цифровой среде; особое внимание уделяется роли Конституционного Суда, воссозданного в 2022 году. Исследуются вопросы защиты персональных данных, права на доступ к интернету, электронного правосудия и цифрового омбудсмена. В сравнительно-правовом аспекте анализируются соответствующие модели ЕС, ФРГ и постсоветских государств. Выявлен ряд структурных дефектов системы в цифровом измерении: отсутствие конституционно закреплённого права на защиту персональных данных, недостаточность регулирования алгоритмического принятия решений. Анализируется статья 21 проекта Конституции Республики Казахстан (2025), впервые прямо закрепляющая право на защиту персональных данных в условиях цифровых технологий. Обосновываются предложения по принятию новой Конституции, разработке специального закона о персональных данных и ратификации Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах.

Ключевые слова: конституционные гарантии, права человека, цифровые права, Конституционный Суд, защита персональных данных, конституционный контроль.

Введение

Конституция Республики Казахстан 1995 года определила права и свободы человека в самый центр конституционного строя, провозгласив их высшей ценностью государства. Это был осознанный и принципиальный выбор: молодая республика, выстраивая собственную правовую идентичность, не только воспроизвела международные стандарты в области прав человека, но и придала им характер непосредственно действующих конституционных норм. Однако Основной Закон принимался в принципиально иной технологической реальности - доцифровой эпохе, когда ни интернет, ни большие данные, ни алгоритмическое управление ещё не входили в сферу законодательного регулирования и не воспринимались как потенциальные инструменты вмешательства государства в частную жизнь.

Между тем стремительная цифровизация государственного управления кардинально изменила природу взаимодействия гражданина и государства. Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023-2029 годы [1] воплощается сегодня в платформе eGov, системах биометрической идентификации и механизмах автоматизированного принятия административных решений. Эти инструменты расширяют доступность государственных услуг и повышают их эффективность, но одновременно порождают угрозы, которые классические конституционные гарантии изначально не были рассчитаны нейтрализовать. Именно это несоответствие между конституционным текстом, создававшимся в одну эпоху, и социально-технологической реальностью другой определяет научную актуальность настоящего исследования.

Цель работы состоит в комплексном анализе системы конституционных гарантий прав

человека в Республике Казахстан в условиях цифровизации: в оценке действующих механизмов защиты, выявления их структурных дефектов и формулировании предложений по устранению последних. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: уточнить понятие и классификацию конституционных гарантий; проанализировать нормативное содержание соответствующих положений Конституции РК; оценить роль институциональных механизмов защиты прав; выявить новые угрозы цифровой эпохи и их правовые последствия; сформулировать предложения «de lege ferenda».

Материалы и методы исследования

Нормативную основу исследования составляют Конституция Республики Казахстан 1995 года (с изменениями 2022 года) [2], Конституционный закон «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года [3], Закон «Об Уполномоченном по правам человека» от 29 декабря 2021 года [4], Административный процедурно-процессуальный кодекс от 29 июня 2020 года [5], Закон «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года [6], также международно-правовые источники регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) от 27 апреля 2016 года о защите персональных данных [7], Конвенция Совета Европы ETS № 108 в редакции Протокола 2018 года [8], Международный пакт о гражданских и политических правах [9], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [10], обусловленных международно-правовыми обязательствами Казахстана и необходимостью сравнительной оценки национальных стандартов. Особое место в системе источников занимает новая Конституция Республики Казахстан (2026) [11], именно в ней воплощена попытка нормативного ответа на вызовы цифровой эпохи, что делает её анализ ключевым для понимания вектора конституционного развития страны.

Теоретическую основу образуют труды отечественных учёных Г.С. Сапарғалиева [12], С.З. Зиманова [13], С.Ф. Ударцева [14], Е.Б. Абдрасулова [15] и зарубежных конституционалистов К. Штерна [16], К. Хессе [17], П. Хаберле [18], Л. Пегораро и А. Ринеллы [19], а также специалистов в области цифрового права.

Методологическую основу составляют системный, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы. Системный метод позволил рассмотреть конституционные гарантии как целостный механизм, элементы которого взаимообусловлены и не могут быть адекватно осмыслены в изоляции друг от друга. Сравнительно-правовой метод дал возможность оценить, в какой мере казахстанская модель соответствует международным стандартам и решениям, выработанным в зарубежных правовых порядках. Формально-юридический метод обеспечил точный анализ нормативного содержания конституционных положений о правах.

Результаты и их обсуждение

1. Понятие и классификация конституционных гарантий. Прежде чем обратиться к конкретным нормам и институтам, необходимо установить аналитические координаты исследования, уточнить само понятие конституционных гарантий и их систему. В отечественной доктрине конституционные гарантии традиционно определяются как совокупность правовых средств, обеспечивающих реализацию, охрану и восстановление прав [12, 215; 14, 89]. Принципиально важным методологическим достижением является инструментальный подход, разработанный С.С. Алексеевым и поддержанный казахстанскими конституционалистами: гарантии суть не сами права, а правовые средства их обеспечения. Это разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение: оно позволяет вычленить те нормы, которые непосредственно «работают» на защиту права, от норм, лишь провозглашающих его существование.

Немецкая доктрина обогащает этот подход важным дополнением. К. Штерн в своей концепции Grundrechtsschutz рассматривает гарантии основных прав не только как инструмент субъективной защиты конкретного лица, но и как объективно-правовую функцию государства [16, 612], то есть как системную обязанность государственного аппарата в целом, а не только судебных органов. Эта двойственность - субъективная и объективная стороны гарантий имеет прямое значение для оценки цифровых угроз,

поскольку алгоритмические системы затрагивают права не отдельного лица, а неопределённого круга граждан одновременно.

По структурно-функциональному критерию целесообразно выделять три уровня гарантий. Общие гарантии - конституционные принципы верховенства права, разделения властей, прямого действия Конституции образуют нормативный фундамент, без которого специальные механизмы теряют смысл. Специальные юридические гарантии - конкретные нормы-инструменты: *habeas corpus*, запрет произвольного ограничения прав, право на судебную защиту образуют операциональный уровень системы. Наконец, институциональные гарантии - Конституционный Суд, омбудсмен, суды общей юрисдикции, прокуратура воплощают эту систему в живых организационных структурах. Не менее важно функциональное разграничение охранительных гарантий, действующих «от» нарушений, и позитивных гарантий, создающих условия «для» осуществления прав. В цифровую эпоху именно второй тип приобретает особое значение [18, 214; 19]: защита права на доступ к информации или права на объяснение алгоритмического решения требует не только запретов, но и позитивных государственных обязательств.

2. Нормативное содержание конституционных гарантий в действующем праве. Обратимся теперь к тому, как описанная система гарантий воплощена в казахстанском конституционном праве. Конституция Республики Казахстан содержит разветвлённую систему норм гарантийного характера, образующих внутренне связанную структуру. Статья 1, провозглашая человека, его жизнь, права и свободы высшей ценностью государства, задаёт телеологический вектор всей системы: все остальные гарантии суть конкретизация и операционализация этой основополагающей нормы. Прямое действие Конституции на всей территории Республики (п. 2 ст. 4) переводит эту телеологию из сферы деклараций в плоскость непосредственно применимых правил. Статья 39, устанавливая допустимые основания и пределы ограничения прав и свобод, выполняет функцию охранительную: она очерчивает границу, которую государство не вправе переступить. Особого внимания заслуживает п. 3 той же статьи, содержащий перечень прав, не подлежащих ограничению ни в каких случаях, тем самым Конституция формирует нетронутое «ядро» прав человека. Судебные гарантии замыкают эту конструкцию: п. 2 ст. 13 обеспечивает каждому право на судебную защиту, пп. 1-2 ст. 16 гарантируют личную свободу и судебную санкцию как условие лишения свободы, а пп. 1-2 ст. 76 определяют судебную власть как механизм, распространяющийся на все дела и споры, возникающие из Конституции, законов и международных договоров [2].

На отраслевом уровне заслуживают отдельной оценки два ключевых акта. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года [6] устанавливает правовые основы функционирования государственных информационных систем, однако не содержит механизмов защиты граждан от злоупотреблений при автоматизированной обработке персональных данных и этот пробел, как будет показано ниже, становится критическим в контексте цифровизации. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2020 года [5], напротив, сделал шаг вперёд: введённые им принцип «доброй администрации» и принцип пропорциональности создают правовую основу для оспаривания несоразмерных государственных решений, в том числе принятых с применением алгоритмов.

3. Конституционные гарантии в цифровую эпоху: новые угрозы и нормативный ответ. Именно в разрыве между конституционными гарантиями Казахстана и требованиями цифровой реальности возникают наиболее существенные правовые проблемы. Следует подчеркнуть, что принципиально новый этап в конституционном регулировании цифровых прав связан с новой Конституцией Республики Казахстан (2026) [11]. Статья 21 впервые предлагает право на защиту персональных данных в качестве самостоятельного конституционного права: «Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту персональных данных от их незаконного сбора, обработки, хранения и использования, в том числе с применением цифровых технологий, гарантируется

законом» (ч. 1 ст. 21 [11]). Часть вторая той же статьи прямо распространяет конституционную охрану тайны переписки на цифровые каналы связи, а часть третья закрепляет право на доступ к информации как конституционную гарантию, обязывая государственные органы обеспечивать каждому возможность ознакомиться с документами и решениями, затрагивающими его права.

Насколько назревшим является подобное решение? Конституция 1995 года принималась без учёта цифровых реалий, и статья 18, гарантируя неприкосновенность частной жизни и тайну переписки, не содержит самостоятельного права на защиту персональных данных. Этот пробел выходит за рамки сугубо технического недостатка: он имеет принципиальное значение с точки зрения международно-правовых обязательств страны. Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [9] запрещает произвольное или незаконное вмешательство в частную жизнь и гарантирует каждому защиту законом от такого вмешательства. Комитет ООН по правам человека в Общем замечании № 16 (1988) к статье 17 Пакта и в последующих решениях по индивидуальным сообщениям последовательно распространял действие данной нормы на цифровую среду, квалифицируя несанкционированный сбор персональных данных государственными органами как форму «произвольного вмешательства» в частную жизнь [20]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 года подтвердила, что права человека, гарантированные в офлайн-среде, должны в равной мере охраняться в цифровой среде [21].

Сравнительно-правовой контекст делает пробел ещё более очевидным. Немецкий Федеральный конституционный суд ещё в 2008 году признал «основное право на конфиденциальность и целостность информационно-технических систем» [22] стандарт, не имеющий прямого аналога в действующем казахстанском праве, однако воспринятый статьёй 21 проекта Конституции [11]. Хартия основных прав Европейского союза закрепляет защиту персональных данных как самостоятельное основное право в статье 8, отдельно от права на неприкосновенность частной жизни (ст. 7) [23]. Конвенция Совета Европы ETS № 108 в редакции Протокола 2018 года обязывает государства принять законодательство, обеспечивающее справедливую и законную автоматизированную обработку персональных данных [8]. Совокупность этих международно-правовых и сравнительно-правовых аргументов свидетельствует о том, что пробел в действующем Основном законе не частный недостаток, а системное несоответствие, восполнение которого статьёй 21 проекта Конституции 2026 года [11] является конституционно-правовой необходимостью.

Вместе с тем нормативный ответ на цифровые вызовы не исчерпывается вопросом о персональных данных. Цифровизация государственного управления порождает три взаимосвязанные группы угроз, каждая из которых требует самостоятельного правового анализа.

Первая угроза - массовый сбор и обработка персональных данных через государственные информационные системы. Закон об информатизации [6] не содержит полноценного механизма защиты граждан от несанкционированной обработки их данных. Статья 21 проекта Конституции [11] формирует конституционную основу для принятия специального закона, устанавливая прямой запрет незаконного «сбора, обработки, хранения и использования» персональных данных с применением цифровых технологий. Аналогичный стандарт закреплён в Конвенции Совета Европы (ст. 5) [8], обязывающей государства установить законные цели обработки данных и гарантировать их соразмерность.

Вторая угроза - алгоритмическое принятие государственных решений. Статья 22 Регламента Европейского парламента и Совета (ЕС) [7] закрепляет право каждого не быть субъектом исключительно автоматизированного решения, влекущего юридически значимые последствия, стандарт, отсутствующий в действующем казахстанском праве. Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [9] в толковании Комитета ООН по правам человека также распространяется на алгоритмические решения, способные произвольно затронуть частную жизнь или репутацию личности. Административный

процедурно-процессуальный кодекс 2020 года [5] содержит принцип пропорциональности, однако не устанавливает специальных требований к прозрачности алгоритмических решений и этот пробел остаётся незаполненным.

Третья угроза - цифровое наблюдение: системы распознавания лиц и мониторинг интернет-трафика без судебной санкции нарушают конституционное право на тайну переписки (ст. 18 Конституции [2]) и свободу слова (ст. 20 Конституции [2]), а также противоречат статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [9] в части запрета произвольного вмешательства в частную жизнь. Часть вторая статьи 21 проекта Конституции [11], прямо распространяя конституционную охрану тайны сообщений на цифровые каналы связи, устраняет этот нормативный пробел, однако, как будет показано ниже, нормативного решения недостаточно без адекватных институциональных механизмов.

4. Институциональные гарантии: состояние и резервы развития. Анализ нормативных гарантий был бы неполным без оценки институциональных механизмов их реализации. Воссоздание Конституционного Суда в 2022 году стало ключевым институциональным событием в новейшей конституционной истории Казахстана. Конституционный закон от 5 ноября 2022 года [3] ввёл инцидентный контроль по запросам судов и право граждан на конституционную жалобу после исчерпания иных средств защиты, тем самым сблизив казахстанскую модель с немецкой *Richtervorlage* (судебным представлением). Практика Суда за 2022-2024 годы свидетельствует о постепенном формировании доктрины прямого применения конституционных норм, хотя показатель удовлетворения индивидуальных жалоб остаётся невысоким [24]. Очевидно, что потенциал нового института ещё не раскрыт в полной мере, и задача его последовательного укрепления принадлежит к числу приоритетных.

Иначе выглядит положение дел в сфере омбудсмана. Институт Уполномоченного по правам человека, урегулированный Законом от 29 декабря 2021 года [4], обеспечивает внесудебный, а значит, более доступный гражданину путь к правозащитным механизмам. Однако существенным системным недостатком остаётся отсутствие у омбудсмана обязывающих инструментов воздействия: государственные органы не несут юридической ответственности за игнорирование его рекомендаций. Н.Ю. Хаманева убедительно показала, что результативность омбудсмана прямо коррелирует с его реальными полномочиями [25]. Сравнение подчёркивает остроту проблемы: эстонский Канцлер юстиции и скандинавские омбудсмены располагают правом инициировать уголовное преследование и обращаться в конституционный суд. Таким образом, реформа полномочий Уполномоченного по правам человека представляется не факультативным улучшением, а необходимым условием дееспособности системы гарантий в целом.

Административно-процессуальный кодекс 2020 года [5], как уже отмечалось, ввёл принципы пропорциональности и «доброй администрации», создав правовую основу для оспаривания несоразмерных государственных решений. Тем не менее практика показывает, что суды тяготеют к формальному контролю законности в ущерб контролю соразмерности, что существенно снижает практическую отдачу от этого инструмента и свидетельствует о необходимости целенаправленного развития судебной культуры конституционного рассуждения.

5. Сравнительный контекст: уроки зарубежного опыта. Рассмотренные проблемы не уникальны для Казахстана, они составляют часть глобального вызова, на который разные правовые системы отвечают по-разному, и это сравнение поучительно. Важно прежде всего отметить, что цифровизация правосудия открывает подлинные возможности: платформа eGov насчитывает свыше 10 млн пользователей, онлайн-судопроизводство снижает барьеры доступа к правосудию. Вместе с тем применение предиктивных алгоритмов в судебной практике ставит под угрозу принцип независимости судьи и мотивированности решения. Франция в 2019 году прямо запретила использование персональных данных судебных решений для прогностических моделей [19, 201] опыт, заслуживающий серьёзного изучения в казахстанском контексте.

Финляндия в поправке к Конституции 2000 года закрепила право на доступ к информации как конституционную свободу; Эстония законодательно признала доступ к интернету необходимым условием реализации иных основных прав. Европейский союз, действуя на наднациональном уровне, посредством Регламента о защите персональных данных [7] и Регламента (ЕС) 2024 об искусственном интеллекте [26] создал обязательный правовой режим, гарантирующий прозрачность алгоритмических систем, право на объяснение автоматизированного решения и запрет систем биометрического наблюдения в публичных местах. На универсальном уровне Резолюция Совета ООН по правам человека от 13 июля 2021 года подтвердила обязанность государств применять принципы законности, необходимости и соразмерности при использовании систем цифрового наблюдения [27].

Казахстан, ратифицировавший Международный пакт о гражданских и политических правах [9] и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [10], несёт конкретные международно-правовые обязательства по обеспечению неприкосновенности частной жизни и доступа к информации в цифровой среде. Статья 21 проекта Конституции 2026 года [11] вписывается в глобальную тенденцию конституционализации цифровых прав и свидетельствует об осознании законодателем масштаба проблемы. Однако принятие конституционной нормы лишь отправная точка, её практическая реализация потребует системного развития отраслевого законодательства, формирования судебной практики и наращивания институциональных возможностей.

Заключение

Система конституционных гарантий прав человека в Республике Казахстан прошла значительный эволюционный путь. Воссоздание Конституционного Суда в 2022 году [3] и реформирование административного судопроизводства [5] создали важные институциональные предпосылки для усиления защиты прав. Однако, эти достижения не снимают принципиального системного противоречия, Конституция 1995 года не охватывает право на защиту персональных данных, запрет алгоритмической дискриминации и право на доступ к информации в цифровой среде. Статья 21 проекта новой Конституции 2026 года [11] восполняет данный пробел, прямо закрепляя защиту персональных данных при использовании цифровых технологий и распространяя конституционную охрану тайны сообщений на цифровые каналы связи. Это решение соответствует как статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [9], так и позиции Комитета ООН по правам человека, выраженной в Общем замечании № 16 [20].

Также исследование обнажает четыре взаимосвязанных дефекта действующей системы: отсутствие конституционно закреплённого права на защиту персональных данных; правовой вакуум в регулировании алгоритмического принятия государственных решений; недостаточность полномочий омбудсмена [4]; слабость культуры прямого применения Конституции судами. Эти дефекты носят взаимоусиливающий характер: нормативный пробел делает институциональный контроль неэффективным, а слабость институтов обесценивает даже имеющиеся нормативные гарантии.

В целях совершенствования системы конституционных гарантий предлагается следующее. Во-первых, принять новую Конституцию с включением статьи 21 в её проектной редакции [11], прямо закрепляющей право на защиту персональных данных в цифровой среде. Во-вторых, принять специальный закон о защите персональных данных, соответствующий стандартам Конвенции Совета Европы в редакции Протокола 2018 года [8] и Регламента (ЕС) [7], прежде всего в части законных целей обработки, права доступа гражданина к своим данным и права на их удаление. В-третьих, наделить Уполномоченного по правам человека обязывающими инструментами воздействия, включая право обращения в Конституционный Суд [4]. В-четвёртых, создать независимый орган по защите персональных данных с полномочиями проведения расследований и наложения санкций. В-пятых, ратифицировать Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах [28], что позволит гражданам Казахстана после исчерпания внутренних средств правовой защиты обращаться с индивидуальными сообщениями в

Комитет ООН по правам человека, тем самым включив страну в международный механизм надзора за соблюдением прав.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется мониторинг практики Конституционного Суда в сфере цифровых прав, а также сравнительный анализ правового регулирования искусственного интеллекта в государствах Центральной Азии - регионе, где процессы цифровизации государственного управления развиваются с разной скоростью, порождая как общие проблемы, а также решения представляющие взаимный интерес для изучения.

Список литературы

1. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Республики Казахстан на 2023–2029 годы» от 28 марта 2023 года № 273. Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000273> (дата обращения: 10.02.2025).

2. Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2022 год). Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 10.02.2025).

3. Конституционный закон Республики Казахстан «О Конституционном Суде Республики Казахстан» от 5 ноября 2022 года № 153-VII. Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> (дата обращения: 10.02.2025).

4. Закон Республики Казахстан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан» от 29 декабря 2021 года № 90-VII. Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000090> (дата обращения: 10.02.2025).

5. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI. Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350> (дата обращения: 10.02.2025).

6. Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24 ноября 2015 года № 418-V. Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (дата обращения: 10.02.2025).

7. Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) № 2016/679 от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (Общий регламент о защите данных, GDPR). Официальный журнал Европейского союза. 2016. L 119. С. 1–88.

8. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS № 108): заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 года, с изменениями Протокола CETS № 223 от 10 октября 2018 года. Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/convention-108-convention-for-the-protection-of-individuals-with-regar/16808b36f1> (дата обращения: 10.02.2025).

9. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. Ратифицирован Республикой Казахстан 28 ноября 2005 года (Закон РК № 91-III). Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.02.2025).

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. Ратифицирован Республикой Казахстан 21 ноября 2005 года (Закон РК № 87-III). Информационно-правовая система «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz> (дата обращения: 10.02.2025).

11. Проект Конституции Республики Казахстан (текст по состоянию на 12 февраля 2026 года). Официальный сайт Министерства юстиции Республики Казахстан. URL:

<https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> (дата обращения: 10.02.2025).

12. Сапарғалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан: академический курс. Алматы: Жеті жарғы, 2007. 544 с.

13. Зиманов С.З. Конституция и парламент Республики Казахстан. Алматы: Жеті жарғы, 1996. 352 с.

14. Ударцев С.Ф. Конституционное право Республики Казахстан: теория и практика применения норм Конституции. Астана: КазГЮУ, 2011. 320 с.

15. Абдрасулов Е.Б. Толкование закона и норм Конституции: теория, опыт, практика. Алматы: КазГЮА, 2002. 280 с.

16. Stern K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland. Bd. III/1. München: C.H. Beck, 1988. 1642 S.

17. Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. 20. Aufl. Heidelberg: C.F. Müller, 1999. 340 S.

18. Häberle P. Europäische Verfassungslehre. 8. Aufl. Baden-Baden: Nomos, 2016. 1006 S.

19. Pegoraro L., Rinella A. Comparative Constitutional Law. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. 416 p.

20. Комитет ООН по правам человека. Общее замечание № 16: статья 17 (Право на неприкосновенность личности, жилища и тайну корреспонденции): принято на 32-й сессии Комитета, 1988 год. УВКПЧ ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-16-article-17-right-privacy> (дата обращения: 10.02.2025).

21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровой век»: принята 18 декабря 2013 года. URL: <https://undocs.org/A/RES/68/167> (дата обращения: 10.02.2025).

22. Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 27. Februar 2008 – 1 BvR 370/07, 1 BvR 595/07 (Online-Durchsuchung). BVerfGE. 2008. Bd. 120. S. 274–350. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2008/02/rs20080227_1_bvr037007.html (date of request: 10.02.2025).

23. Хартия основных прав Европейского союза: провозглашена в г. Ницце 7 декабря 2000 года, приобрела обязательную юридическую силу в соответствии со статьёй 6 Договора о Европейском союзе с 1 декабря 2009 года. Официальный журнал Европейского союза. 2012. С. 391–407.

24. Казахстанское международное бюро по правам человека и соблюдению законности. Ежегодный доклад о состоянии прав человека в Республике Казахстан. Алматы: Казахстанское международное бюро по правам человека, 2024. 180 с.

25. Хаманева Н.Ю. Уполномоченный по правам человека — защитник прав граждан. М.: Институт государства и права РАН, 1998. 80 с.

26. Регламент Европейского парламента и Совета (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 года об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта (Акт об искусственном интеллекте). Официальный журнал Европейского союза. 2024. L 2024/1689. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (дата обращения: 10.02.2025).

27. Резолюция Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/47/23 «Новые и возникающие цифровые технологии и права человека»: принята 13 июля 2021 года. URL: <https://undocs.org/A/HRC/RES/47/23> (дата обращения: 10.02.2025).

28. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. УВКПЧ ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-civil-and-political> (дата обращения: 10.02.2025).

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan «Ob utverzhdenii Konceptcii cifrovoj transformacii, razvitiya otrasli informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij i kiberbezopasnosti Respubliki Kazahstan na 2023–2029 gody» ot 28 marta 2023 goda № 273. Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000273> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
2. Konstituciya Respubliki Kazahstan: prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 2022 god). Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
3. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan «O Konstitucionnom Sude Respubliki Kazahstan» ot 5 noyabrya 2022 goda № 153-VII. Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
4. Zakon Respubliki Kazahstan «Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Respublike Kazahstan» ot 29 dekabrya 2021 goda № 90-VII. Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000090> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
5. Administrativnyj procedurno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 29 iyunya 2020 goda № 350-VI. Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000350> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
6. Zakon Respubliki Kazahstan «Ob informatizacii» ot 24 noyabrya 2015 goda № 418-V. Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
7. Reglament Evropejskogo parlamenta i Soveta (ES) № 2016/679 ot 27 aprelya 2016 goda o zashchite fizicheskix lic pri obrabotke personal'nyh dannyh i o svobodnom obrashchenii takih dannyh (Obshchij reglament o zashchite dannyh, GDPR). Oficial'nyj zhurnal Evropejskogo soyuza. 2016. L 119. S. 1–88.
8. Konvenciya o zashchite fizicheskix lic pri avtomatizirovannoj obrabotke personal'nyh dannyh (ETS № 108): zaklyuchena v g. Strasburge 28 yanvarya 1981 goda, s izmeneniyami Protokola CETS № 223 ot 10 oktyabrya 2018 goda. Sovet Evropy. URL: <https://rm.coe.int/convention-108-convention-for-the-protection-of-individuals-with-regar/16808b36f1> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
9. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskix i politicheskix pravah: prinyat rezolyuciej 2200A (XXI) General'noj Assamblei OON ot 16 dekabrya 1966 goda. Ratificirovan Respublikoj Kazahstan 28 noyabrya 2005 goda (Zakon RK № 91-III). Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchyonnyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XXXII. M., 1978. URL: <https://adilet.zan.kz> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
10. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskix, social'nyh i kul'turnyx pravah: prinyat rezolyuciej 2200A (XXI) General'noj Assamblei OON ot 16 dekabrya 1966 goda. Ratificirovan Respublikoj Kazahstan 21 noyabrya 2005 goda (Zakon RK № 87-III). Informacionno-pravovaya sistema «Adilet». URL: <https://adilet.zan.kz> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
11. Proekt Konstitucii Respubliki Kazahstan (tekst po sostoyaniyu na 12 fevralya 2026 goda). Oficial'nyj sajt Ministerstva yusticii Respubliki Kazahstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/1159830?lang=ru> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
12. Sapargaliev G.S. Konstitucionnoe pravo Respubliki Kazahstan: akademicheskij kurs. Almaty: ZHeti zharıy, 2007. 544 s.
13. Zimanov S.Z. Konstituciya i parlament Respubliki Kazahstan. Almaty: ZHeti zharıy, 1996. 352 s.
14. Udarcov S.F. Konstitucionnoe pravo Respubliki Kazahstan: teoriya i praktika primeneniya norm Konstitucii. Astana: KazGYUU, 2011. 320 s.
15. Abdrasulov E.B. Tolkovanie zakona i norm Konstitucii: teoriya, opyt, praktika. Almaty: KazGYUA, 2002. 280 s.

16. Stern K. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland. Bd. III/1. München: C.H. Beck, 1988. 1642 S.
17. Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. 20. Aufl. Heidelberg: C.F. Müller, 1999. 340 S.
18. Häberle P. Europäische Verfassungslehre. 8. Aufl. Baden-Baden: Nomos, 2016. 1006 S.
19. Pegoraro L., Rinella A. Comparative Constitutional Law. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. 416 p.
20. Komitet OON po pravam cheloveka. Obshee zamechanie № 16: stat'ya 17 (Pravo na neprikosновенnost' lichnosti, zhilishcha i tajnu korrespondencii): prinyato na 32-j sessii Komiteta, 1988 god. UVKPCН OON. URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-16-article-17-right-privacy> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
21. Rezolyuciya General'noj Assamblei OON A/RES/68/167 «Pravo na neprikosновенnost' chastnoj zhizni v cifrovoj vek»: prinyata 18 dekabrya 2013 goda. URL: <https://undocs.org/A/RES/68/167> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
22. Bundesverfassungsgericht. Urteil vom 27. Februar 2008 – 1 BvR 370/07, 1 BvR 595/07 (Online-Durchsuchung). BVerfGE. 2008. Bd. 120. S. 274–350. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2008/02/rs20080227_1_bvr037007.html (date of request: 10.02.2025).
23. Hartiya osnovnyh prav Evropejskogo soyuza: provozglashena v g. Nitsse 7 dekabrya 2000 goda, priobrela obyazatel'nyuyu yuridicheskuyu silu v sootvetstvii so stat'yoj 6 Dogovora o Evropejskom soyuze s 1 dekabrya 2009 goda. Oficial'nyj zhurnal Evropejskogo soyuza. 2012. S. 391–407.
24. Kazhstanskoe mezhdunarodnoe byuro po pravam cheloveka i soblyudeniyu zakonnosti. Ezhegodnyj doklad o sostoyanii prav cheloveka v Respublike Kazahstan. Almaty: Kazhstanskoe mezhdunarodnoe byuro po pravam cheloveka, 2024. 180 s.
25. Hamaneva N.YU. Upolnomochennyj po pravam cheloveka — zashchitnik prav grazhdan. M.: Institut gosudarstva i prava RAN, 1998. 80 s.
26. Reglament Evropejskogo parlamenta i Soveta (ES) 2024/1689 ot 13 iyunya 2024 goda ob ustanovlenii garmonizirovannyh pravil v oblasti iskusstvennogo intellekta (Akt ob iskusstvennom intellekte). Oficial'nyj zhurnal Evropejskogo soyuza. 2024. L 2024/1689. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RU/TXT/?uri=CELEX:32024R1689> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
27. Rezolyuciya Soveta OON po pravam cheloveka A/HRC/RES/47/23 «Novye i voznikayushchie cifrovye tekhnologii i prava cheloveka»: prinyata 13 iyulya 2021 goda. URL: <https://undocs.org/A/HRC/RES/47/23> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
28. Fakul'tativnyj protokol k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskikh i politicheskikh pravah: prinyat rezolyuciej 2200A (XXI) General'noj Assamblei OON ot 16 dekabrya 1966 goda. UVKPCН OON. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-civil-and-political> (data obrashcheniya: 10.02.2025).

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF HUMAN RIGHTS IN KAZAKHSTAN: THEORETICAL ASPECTS AND IMPLEMENTATION PRACTICE IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

UTEGENOV C.K.

Utegenov Chingiz Kuanyshebkovich - PhD, associate professor at the Higher school of natural sciences and humanities, Baishev University, Aktobe, Kazakhstan

E-mail: utegenov.chingiz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4320-3110>

Abstract. This article presents a comprehensive study of the system of constitutional guarantees of human rights and freedoms in the Republic of Kazakhstan in the context of state and societal digitalization. The rapid development of digital technologies, e-government, artificial intelligence, and big data creates fundamentally new threats: mass digital

surveillance, algorithmic discrimination, violations of the right to privacy and digital identity. Constitutional guarantees are examined as a complex, multi-level system of legal means requiring adaptation to the digital society. The article analyses the relationship between «constitutional rights», «guarantees of rights», and «rights protection mechanism» as applied to the digital environment; special attention is paid to the role of the Constitutional Court reinstated in 2022. Issues of personal data protection, the right of access to the internet, electronic justice, and the digital ombudsman are studied. Comparative analysis covers corresponding models in the EU, Germany, and post-Soviet states. Structural deficiencies of the system in its digital dimension are identified: the absence of a constitutionally enshrined right to personal data protection; insufficient regulation of algorithmic decision-making. Article 21 of the draft Constitution of the Republic of Kazakhstan (2025), which for the first time explicitly enshrines the right to personal data protection in the digital environment, is analysed as a landmark step in constitutional modernisation. Proposals are substantiated for the adoption of the new Constitution, the enactment of a dedicated personal data protection law aligned with the Council of Europe Convention ETS No. 108 and Regulation (EU) 2016/679, and the ratification of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights.

Key words: constitutional guarantees, human rights, digital rights, Constitutional Court, protection of personal data, constitutional control.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АДАМ ҚҰҚЫҚТАРЫНЫҢ КОНСТИТУЦИЯЛЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ КЕПІЛДІКТЕРІ: ЦИФРЛЫҚ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАҒДАЙЫНДА ІСКЕ АСЫРУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ МЕН ПРАКТИКАСЫ

УТЕГЕНОВ Ч.К.

Утегенов Чингиз Куанышбекович - PhD, жаратылыстану-гуманитарлық ғылымдар жоғары мектебінің доценті, Баишев университеті, Ақтөбе қ., Қазақстан

E-mail: utegenov.chingiz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4320-3110>

Аңдатпа. Бұл мақала цифрландыру жағдайындағы Қазақстан Республикасындағы адам құқықтары мен бостандықтарының конституциялық кепілдіктер жүйесін кешенді зерттеуге арналған. Цифрлық технологиялардың, электрондық үкіметтің, жасанды интеллект пен үлкен деректердің жедел дамуы дәстүрлі адам құқықтарын қорғау механизмдеріне іргелі сын тудырып отыр: жаппай цифрлық бақылау, алгоритмдік кемсіту, жеке деректерді қорғау және цифрлық жеке тұлғаны сәйкестендіру құқықтарын бұзу сынды принципті жаңа қатерлер пайда болуда. Конституциялық кепілдіктер цифрлық қоғам жағдайларына бейімделуді қажет ететін күрделі, көп деңгейлі құқықтық құралдар жүйесі ретінде қарастырылады. Мақалада цифрлық ортаға қатысты «конституциялық құқықтар», «құқықтар кепілдіктері» және «құқықтарды қорғау механизмі» ұғымдарының арақатынасы талданады; 2022 жылы қалпына келтірілген Конституциялық Соттың рөліне ерекше назар аударылады. Дербес деректерді қорғау, интернетке қол жеткізу, электрондық сот төрелігі және цифрлық омбудсмен мәселелері зерттеледі. Салыстырмалы-құқықтық тұрғыда ЕО, ФРГ және посткеңестік мемлекеттердегі тиісті үлгілер талданады. Қолданыстағы жүйенің цифрлық өлшемде бірқатар құрылымдық ақаулары анықталады: конституциялық тұрғыда бекітілген дербес деректерді қорғау құқығының болмауы, алгоритмдік шешім қабылдауды реттеудің жеткіліксіздігі. Цифрлық құқықтарды конституциялық бекіту және оларды қорғау механизмдерін жетілдіру бойынша ұсыныстар негізделеді.

Түйін сөздер: конституциялық кепілдіктер, адам құқықтары, цифрлық құқықтар, Конституциялық Сот, дербес деректерді қорғау, конституциялық бақылау.